

ОДНОЗВУЧНО ЗВЕНИТ КОЛОКОЛЬЧИК...

Сергей Синенко

Источник: POSREDI.RU - https://posredi.ru/blog02_2odnozvuchno_zvenit.html

Бирск в годы войны (сюжет, навеянный материалами спецхрана) Размещаю на posredi.ru свой очерк, написанный несколько лет назад . События происходят в городе Бирске во время войны. Многие имена и фамилии в тексте изменен.

1

...Той ночью она видела товарища Сталина. Будто бы бредет она по сосновому бору между Старопетрово и Петяково — и вдруг к ней подходит товарищ Сталин и говорит: «Где-то здесь стоит моя автомашина, помогите мне найти ее!» Товарищ Сталин берет ее за руку и они вдвоем довольно быстро продвигаются по лесу — почти летят. Иногда между огромными соснами ей мерещатся черные лаковые отблески. Ей кажется, что это машина товарища Сталина, и она направляется именно туда. Но никакой машины не оказывается. Товарищ Сталин шагает рядом и то ли шутит, то ли стыдит ее: «Вот Вы сказали, что знаете этот лес, как свой дом, а не можете найти в нем машину! Значит Вы меня обманули? Или хотите запутать?!» Ей становится и стыдно, и страшно. На пути попадает огромный каменистый шихан, его можно обойти, но они почему-то карабкаются вверх почти по вертикальному склону. Она хочет помочь товарищу Сталину взобраться на него, но только притрагивается к нему, как он отстраняет ее руку: «Не беспокойтесь, я вырос в горах. А то, что Вы мою машину найти не можете, это очень плохо...»

Несомненно, это был нехороший сон. Дня через два-три после него, в самом конце января сорок второго года, Надежду Каблукову, молоденькую учительницу русского языка из города Бирска, окликнули на улице по имени. Незнакомый мужчина, шагая с нею рядом, как будто бы им было по пути,

произнес властно и угрожающе: — Просим Вас зайти в Дом милиции на Октябрьской улице. Если сможете, то лучше бы сегодня. Пропуск возьмете у постового, — и ушел.

Надежда Каблукова не успела даже ответить, конечно же, только переоденется и немедленно явится куда сказано. Тут она сразу вспомнила о странном сне, в котором помогала Сталину искать автомобиль.

2

В старый купеческий город Бирск эвакуированные прибывали на баржах и пароходах, их привозили на грузовых машинах с железнодорожного вокзала «Уфа», высаживали на площади перед горисполкомом с детьми, с чемоданами и баулами, а потом машины уходили обратно в Уфу за новыми партиями беженцев. В самом начале войны из Петрозаводска в Бирск перевели карело-финский русский драматический театр — огромную десантную баржу декораций и реквизита, целую роту драматических и комедийных талантов, театральную пестроту и европейский лоск, с которыми Бирск до этого никогда не соприкасался.

С тридцать седьмого, с самого черного в городской истории года, в Бирске не гастролировал ни один театр. Устраивались, правда, в заводском клубе агитпредставления (тетушка Надежды Каблуковой называла их «бесовскими игрищами») с построением пирамид и переплясами, изображающими выплавку чугуна и стали, агитпрограммы с маршировкой на месте и выкрикиванием лозунгов, коллективные танцы, изображавшие уборку небывалого урожая, но все это было творением новоявленных «комхудожников», вроде бы и не слышавших никогда о великой русской культуре — литературе, музыке, живописи. Вскоре после появления в Бирске театра с классическим репертуаром город был обклеен красочными афишами, привезенными из Петрозаводска, в которых перечислялись спектакли театрального сезона сорок первого-сорок второго годов. Один

перечень постановок звучал дивной музыкой: «Уриэль Акоста», «Анна Каренина», «Коварство и любовь», «Дворянское гнездо», «Заговор императрицы», «Платон Кречет», «Гроза», «Отелло», «Овод»... Особенно много было пьес Чехова, на эти спектакли собирался весь город — учителя, врачи, инженеры, все советское и партийное руководство. Несмотря на трагические известия с фронта и тяжелую полуголодную жизнь, горожане шли в театр, чтобы хотя бы на два-три часа забыться, а встретившись на следующий день после спектакля, обмениваться со знакомыми светлыми улыбками, поделиться впечатлениями об актерской игре. Почему так близки были им чеховские герои, почему такой печалью отзывалось сердце, почему слезы стояли в глазах, когда на сцене появлялись Ионычи, Раневские и дяди Вани? Может быть, зрители знали о них то, что не было известно самому Чехову?! Что все они войдут в страшную драму Гражданской войны: кто-то из изящных чеховских женщин оденет белое платье сестры милосердия и умрет в тифозном бараке, кто-то натянет скрипучую кожанку губчека и опояшется портупеей, кто-то станет белым офицером и будет расстрелян на речных откосах, кто-то пройдет по России пыльной дорогой в рядах красной пехоты. Жалко было всех этих учителей, врачей, чиновников и телеграфистов, которые на театральной сцене еще любили, ссорились, шутили, умничали, читали стихи, хотя всем им уже была уготована своя роль в национальной трагедии. Не потому ли было так больно, что и зрители, и актеры чувствовали: они сами сейчас чем-то напоминают этих чеховских героев? После того, как занавес опускался, долго аплодировали стоя.

3

В августе сорок первого из Ленинграда в Бирск было эвакуировано военное училище Воздушного наблюдения, оповещения и связи. Учебные корпуса училищу предоставили в различных частях города, и курсанты с утра до ночи ходили из конца в конец; казалось, в городе одни только военные и живут! Все, что связано с работой училища, было

засекречено, но вскоре на концертах, которые почти еженедельно давал музыкальный взвод училища, побывал чуть ли не весь город, и ленинградских курсантов и преподавателей, снимавших комнаты на частных квартирах, стали знать в лицо.

Курсанты училища Воздушного наблюдения, оповещения и связи, г. Бирск, 1942 г.

Одними из самых популярных людей в городе стали постояльцы большого старинного дома врачей и учителей Каблуковых, — члены семьи полковника из ленинградского училища. Глава семьи, Борис Афанасьевич, был офицер еще царской закалки, — только он начинал говорить, все вокруг замолкали, боясь шелохнуться. Однажды, когда он

рассказывал что-то поучительное из военной истории, вдруг слышались раскаты грома и крупный дождь застучал по подоконнику. Тогда Борис Афанасьевич вскочил со стула, открыл форточку и крикнул — «немедленно прекратить это безобразие!» — и дождь мгновенно утих. Помимо грозного голоса, у него была необычная и приятная черта — он всем сообщал приметы, которые предвещали только хорошее: «Вот священник идет навстречу. Это прекрасная примета!», «Смотрите, женщины с полными ведрами — отличная примета!», «Черная кошка — просто замечательно!» Страшно понравился Борису Афанасьевичу город Бирск. — Люблю такие провинциальные города, — говорил он молодой хозяйке дома Надежде Каблуковой, сидя вечером на ступеньках крыльца. — Мечешься по свету, мечешься, все шумишь, все ищешь чего-то, а потом вдруг попадаешь в эдакий тихий рай, где улицы зарастают гусиной травой, а ночью можно проснуться от стука яблока, упавшего в саду. Только жить, да жить!.. Его жена Екатерина Антоновна, окончившая институт благородных девиц, отличалась старомодностью поведения и некоторой наивностью благородной петербургской дамы. Август в Бирске был теплым, солнечным, и в один из таких дней вся ленинградская семья отправилась на прогулку в окрестности, а вернулась с огромными темно-зелеными букетами. Показывая на эту зелень, Екатерина Антоновна спросила у Надежды Каблуковой: — Скажите, что это за восхитительные цветы — белые и сиреневые звездочки на темных веточках, впервые такие вижу?! Надежда смутилась и как можно тактичнее ответила ей, что «это картофель так цветет, когда начинают формироваться клубни», — она была смущена гораздо больше, чем дама, окончившая Смольный институт. В этой семье, как вскоре узнали горожане, был установлен строжайший порядок. Один день с утра до вечера, а лучше сказать, с подъема до отбоя, вся семья говорила по-французски, другой день — по-немецки, третий — по-английски, остальные дни недели по-русски, а с понедельника все повторялось. Соседей удивляло, что дети в этом семействе, если кто-то посторонний входил в их комнату, сразу вставали и не садились в присутствии старших. Был

случай, когда маленькая девочка Катюша дала Надежде Каблуковой урок, запомнившийся ей надолго. Надежда сидела на стуле, положив ногу на ногу. Тогда девочка наклонилась к ней и тихо сказала: — Тетя Надя, так сидеть — неприлично. Моветон! Другой урок получил племянник Каблуковой Митя. Произошло это так. Тринадцатилетний Митя зашел в гости к ленинградским детям и стал пересказывать очередную вычитанную им из пионерской газеты историю о героическом школьнике, который предотвратил козни инженеров из числа «бывших», — подглядел, подслушал, а потом доложил кому надо и всех «бывших», таким образом, разоблачил. В рассказе Мити, не исключено, присутствовало и скрытое подбадривание — дескать, ваши родители тоже, вроде, из «бывших», значит, еще не все потеряно, есть еще возможность оказаться в наших светлых рядах. Екатерина Антоновна, которая в детские разговоры обычно не вмешивалась, оторвалась от какого-то вязания, подошла к Мите Каблукову и подчеркнуто обыденным голосом спросила. — А разве это хорошо — подслушивать, подглядывать и доносить? Поступают ли так люди чести?! Простой этот вопрос прозвучал для Мити неожиданно и довольно сильно. Нечто похожее он слышал и дома, но у его родителей были явные «родимые пятна» капитализма в виде торгово-купеческого прошлого, — в те давние нэпмановские времена они держали на Бирской пристани лавчонку. А здесь другое дело — сотрудничество с «внутренними органами» осуждает блестящая ленинградская женщина, жена полковника Красной Армии, говорит убежденно и как о чем-то само собой разумеющемся! Митя был обычный мальчик, читающий пионерские газеты. «Как же тогда все, о чем газеты рассказывают, — думал он, — где «пролетарское чутье», «верность классу»? Получается, что эта женщина не может «подняться над личным» и потому ведет «мещанские разговоры»?! Об этом разговоре Митя Каблуков никому тогда не рассказал, хотя подвиг Павлика Морозова привлекал его своей бескомпромиссностью. Ведь тому, что подслушивать, подглядывать и доносить — хорошо, учила не только пионерская литература. Ему запомнилась

история, рассказанная школьным учителем, о том, как один молодой бирский коммунист дворянского происхождения выдал чекистам приятеля своих родителей, которого те прятали в подвале собственного дома. Узнав об этом, родители с недоумением обратились к своему сыну: «Как же ты мог донести?» Митя помнит, как иронично рассказывал об этом учитель и с каким юмором это родительское недоумение воспринял весь класс — как же, молодой коммунист избавляется от своей мелкобуржуазной интеллигентской и дворянской мягкотелости. Вместо личной совести у героя рассказа была совесть классовая, еще точнее — партийная!..

Одним из самых памятных событий первой военной осени стал для горожан концерт в училище Воздушного наблюдения, оповещения и связи. Нужно сказать, что от будущих офицеров этого специфического училища, за отсутствием в армии локаторов и других электронных систем слежения, требовался особенно острый слух, умение на большом расстоянии определять по звуку количество летящих самолетов, их типы, направление и высоту полета. Поэтому последний набор слушателей производился из числа студентов ленинградских музыкальных школ и консерваторий. Так в училище были зачислены юные ленинградские композиторы Вадим Салманов, Георгий Рафолович и Георгий Свиридов. Эта дружеская тройка часто бывала в доме Каблуковых в гостях у Бориса Афанасьевича и Екатерины Антоновны. Полковник, их любимый преподаватель, играл вместе с ними на рояле, готовил сольные номера будущего концерта. На этот первый концерт хотели попасть очень многие, поэтому его было решено провести в громадном танцевальном зале старинного дома Чирковского на главной городской площади. Вечер был солнечный, теплый, все окна в доме оставили открытыми. Зал был переполнен, а те, для кого не нашлось места, стояли под окнами. Когда на сцену вышли курсанты училища, они заняли ее всю — таким огромным оказался хор. Ударили литавры, и курсанты запели: «Вставай, страна огромная...» Весь зал тогда встал и запел вместе с хором. Среди тех, кто находился в зале, были люди, уже

пережившие отступление, бомбежки, смерть на дорогах, были и те, к которым уже пришли с фронта похоронки. И те, и другие пели и, не стыдясь своих слез, плакали, а за окнами с двух сторон дома стояли люди и тоже пели и плакали... А последним номером хор исполнил «Однозвучно звенит колокольчик...», песню, в которой не было ни слова про войну, а была пыльная дорога, ямщик, сибирские просторы и огромная русская печаль. Странно, но Надежде Каблуковой показалось вдруг, что ничего нет — ни немцев, ни сожженных городов, ни страшной войны, а есть только жизнь, родина, любовь и печаль. Значит, все пройдет, все еще как-нибудь устроится.

4

...Пропуск на имя Каблуковой в Доме милиции был уже выписан. В большом кабинете без табличек сидел мужчина в командирской форме. Надежда увидела широкие плечи, большую голову, но из-за того, что лампа была направлена в ее сторону, лица разглядеть не смогла, вместо него серело какое-то пятно. Первый вопрос был — устраивает ли ее школьная работа (Надежда учительствовала в деревне Пономаревке под Бирском). — Да, да, работа, коллектив учителей — все в норме. Трудно с дорогой, но ведь сейчас всем трудно. Молодая, справлюсь... Надежда говорила быстро, как бы запыхавшись и торопясь кого-то догнать, заранее оправдываясь в чем-то и стараясь саму себя приободрить. Человек, сидевший напротив, внимательно ее разглядывал. Помолчав многозначительно, он вынул какие-то документы, фотографии и стал рассказывать, о том, что в Бирск на последнем пароходе эвакуирован детский дом испанских детей. — Это сироты расстрелянных испанских коммунистов. До войны детдом находился в Ленинграде, в июле его вывезли в Ростов-на-Дону, а вот сейчас направили к нам, — говорил мужчина. — Организационный период закончен, с опозданием начинается учебный год. Мы предлагаем вам стать учителем и воспитателем в пятых-седьмых классах. Если согласитесь, перевод и оформление

документов проведем мы. Условия лучше, чем в Пономаревке, дежурства оплачиваются отдельно, почти вдвое выше учительской ставки. Конечно, дети необычные. Они видели и пытки, и издевательства франкистов над своими родителями. Все зверства, вплоть до расстрелов, проходили на их глазах. Нужно будет все это учитывать. Замечу — Борис Афанасьевич, ваш постоялец, да, да, с ним мы разговаривали тоже, отзывается о вас самым положительным образом. Легкой работы не обещаю, но нам бы хотелось, чтобы там работали именно Вы!.. Что знала Надежда о далекой Испании? Что народ этот — далекий и чужой, русские за всю историю с ним никогда не торговали, не воевали, не учились у него и не учили его. Культура европейского юга — древнего Рима и итальянского Возрождения — заслонила от России, как стеной, всю Испанию со всей ее литературой, живописью, музыкой, бурной историей и выдающимися людьми, заслонила ее народ, как стало ясно потом, — яркий и самобытный. В предвоенные годы именно Испания поднялась во весь рост перед миром. Первой она приняла вызов фашизма, отказавшись стать на колени перед Гитлером и Муссолини. По дороге домой Надежда вспоминала поразивший ее, да и всех, кого она знала, «Испанский дневник» Михаила Кольцова. Читали его с большим интересом, чем все, что было до этого написано об Испании. Об «Испанском дневнике» тепло отзывались Фадеев и Алексей Толстой в газете «Правда». Вторая книга «Испанского дневника» готовилась к публикации в «Новом мире», была заявлена и уже чуть ли не сверстана, ее с нетерпением ожидали, но неожиданно стало известно об аресте и таинственном исчезновении Михаила Кольцова. После начала войны появились слухи, что Кольцова видели то на одном фронте, то на другом. Кто-то говорил, что Кольцов освобожден, вернулся из лагерей, смыл свою вину кровью и воюет на фронте — «где же ему еще быть?!» Уже сидя дома и в уме перебирая весь разговор, Надежда всплеснула руками — ведь испанского-то языка она не знает! Как же работать с испанцами?! Но на следующий день, побывав в интернате, она выяснила, что ее ночные тревоги напрасны — большинство

детей вполне прилично говорили по-русски, а некоторые даже писали по-русски стихи. Единственное, что изумило ее с самого начала, и к чему она никак не могла привыкнуть, так это к чуткому вниманию маленьких испанцев к тем оттенкам смыслов, которые они улавливали в русском языке и которые она, учитель русского языка, в нем не чувствовала. В первый же день работы дети ее спросили, почему слово «квас» пишется слитно, а «к вам» — раздельно? На учительницу по фамилии Ртищева они смотрели с наивным изумлением — «ваша фамилия — Ртищева, а почему у вас ротик маленький?!» На собеседовании испанка Луиза, детдомовский замполит, и русская директриса, владевшая испанским в совершенстве, довольно подробно рассказали о судьбах воспитанников. Надежда узнала, что из числа детей, которые в предвоенные годы бежали из франкизской Испании, к сорок первому году, когда детский дом оказался в Бирске, осталось в живых не больше половины. Некоторые погибли по дороге на новую родину, многие умерли в Ленинграде после нервных потрясений, а некоторые без всяких болезней просто тихо угасли... — Теперь мы понимаем, — говорила замполит Луиза, — что наша война была лишь прологом мировой войны. Части старой испанской армии Франко не представляли собой серьезной силы. Это была маленькая армия с непомерно раздутым командным составом: по лейтенанту на каждые шесть солдат, по капитану на каждые десять... Действительно, подумала Надежда, о низких боевых качествах этого войска писала газета «Правда» после разгрома испанской «Голубой дивизии». — Реальной силой испанских фашистов были итало-немецкие отряды, переброшенные в Испанию Гитлером и Муссолини и оснащенные орудиями, танками и самолетами, — продолжала Луиза. — Если до этого у фашистских летчиков был только один облюбованный ими полигон — пустынная Абиссиния, то теперь они упражнялись над миллионным городом, над испанской столицей. Наша борьба с сочувствием была встречена прежде всего в Советском Союзе. А в испанском народе вспыхнула любовь к России — пример вашей родины, ваши люди, фильмы сделались предметом восхищения в

Испании. Стихи Светлова «Гренада», фильм «Чапаев» стали в Испании учебниками по революционным действиям. Когда раненный русский большевик тонет в реке Урал, похожей на реку Эбро, в зале кричали: «На Сарагоссу!» ...Вскоре Надежда по-настоящему сдружилась с испанскими детьми, а однажды во время ее дежурства мальчик лет тринадцати по имени Мигель вдруг захотел рассказать ей о своих последних днях на родине. Этот мальчик удивлял Надежду своими поступками — он мог подойти к девочке, которая ему нравилась, схватить ее чернильницу и, далеко запрокинув голову, выпить все ее содержимое одним глотком. После этого Мигель пускал вверх тонкий чернильный фонтанчик, а затем, промокнув губы носовым платком, спокойно и гордо уходил. Надежда его побаивалась и не была готова к серьезному разговору. Чтобы выйти из замешательства, она сказала, что на сегодня у нее намечен другой план дежурства, а как-нибудь в следующий раз обо всем можно будет поговорить. Она хотела посоветоваться с воспитателями из числа испанцев, с испанским замполитом — как ей быть? Маленький испанец, однако, все понял. — Ты, товарищ Надежда, не беспокойся, — сказал он, — мы плакать не будем, потому что наши родители не велели нам плакать, а то им очень тяжело будет там, — и он глазами показал на небо. Испанские воспитатели советовали ей выслушать детей, как бы это ни было тяжело, и однажды вечером во время дежурства дети стали рассказывать в подробностях о своем бегстве из Испании. Вспоминали о том, как ночью, опасаясь выдать себя шумом моторов, они пересели с катеров на весельные лодки и парусные баркасы. В Бискайском заливе, по которому они должны были плыть, шторма бушевали почти круглый год, и когда весельные лодки, опрокинутые волнами, стали тонуть, дети слышали крики, но ничем не могли помочь своим братьям, сестрам и знакомым. Плакала одна только Надежда. Дети подходили к ней, гладили ей руки, плечи, целовали ее; глаза же их были сухи. Надежде от этого становилось еще тяжелей.

В детском доме Надежда Каблукова преподавала русский язык и географию, но много времени занимали дежурства. Она читала вслух книги, пересказывала прочитанные когда-то романы и повести, рассказывала, а чаще придумывала истории из своей жизни. Нравились испанским детям совершенно незнакомые им русские сказки, особенно сказки Пушкина в стихах. Надежда их помнила наизусть. Как-то рассказывала она испанцам пушкинскую «Золотую рыбку». Дети слушали ее, прижавшись друг к другу, с округленными от удивления глазами. Они были возмущены сварливой бабой и метали сердитые взгляды, когда старуха требовала от рыбки все новые и новые богатства. Когда сказка дошла до середины, Надежда объявила перерыв. Что тут началось?! Из карманов дети достали кастаньеты, стали отбивать ногами какие-то незнакомые ей ритмы. Они танцевали без музыки свой причудливый ураганный танец. Затем одна из старших девочек громко крикнула «Кая рои!», это был призыв к спокойствию и порядку. Все мгновенно сели на свои прежние места и выжидающе стали смотреть на Надежду, требуя продолжения. Перерыв пришлось отменить, сказку — продолжить. Конец ее удовлетворил всех: зло осталось ни с чем, рыбка наказала-таки старуху! Прощаясь с детьми, Надежда предложила им нарисовать героев пушкинской сказки. На следующее дежурство перед ней выложили целую гору акварельных и карандашных рисунков. Герои сказки выглядели необычно: дед с закрученными усами в широкополой шляпе и со шпагой походил на героя Сервантеса, бабка на всех рисунках была одета в испанскую одежду с неременной огромной заколкой в волосах. Вместо корыта был нарисован ушат, на море плавали под белыми парусами фрегаты времен Колумба, а вместо большого дома был изображен готический замок с башенками и подвесным мостом.

Здание детского дома для испанских детей в прибрежной части г. Бирска

Когда Надежда рассказала детям сказку про колобка, им все в ней понравилось, кроме одного, — они никак не могли понять, как же выглядит этот самый колобок. Тогда Надежда попросила стряпуху-испанку вместо обычных булочек выпечь колобки с глазами из изюма, с улыбающимся ртом и острым носом из специально припеченного теста. За вечерним чаем испанцы увидели на столе много улыбающихся колобков. На другой день, придя домой, Надежда обнаружила в своем портфеле завернутый в тряпицу творог, крупный кусок синеватого колотого сахара, кубик сливочного масла в белой бумаге, несколько конфет и колобок. В отдельной бумажке лежала фиолетовая луковица — обязательный детдомовский «утренний витамин». Надежда крутила эту луковицу в руках с каким-то горестным чувством — в соседнем детском доме о такой луковице могли только мечтать, дети там сидят на нищенском пайке, в то время как маленькие испанцы так щедро и продумано обеспечены питанием! На следующее утро Надежда принесла все найденное в кабинет испанского замполита. Луиза улыбнулась и сказала, что обо всем знает, а этот небольшой детский подарок лучше принять. Вскоре произошло событие... Неизвестно откуда у ребят оказалась в руках газета со снимками казненной Зои Космодемьянской, лежащей полуголой на снегу с петлей на шее. По всему детскому дому начались истерики, обмороки. Взрослым стоило большого труда их успокоить — «кая рои!» После этого случая Надежда перестала осуждать директора и замполита Луизу, отключавших радио, когда Советское Информбюро передавало сообщения о зверствах фашистов на

оккупированных территориях. Сводки Информбюро слишком напоминали испанцам недавние события их собственной жизни.

6

Наступила зима с морозами, пургой и обильным снегом. Во дворе сделали горку, устроили каток, налаживали санки, точили коньки. Делали «ледянки». Для этого брали корзины-плетенки, большие дырявые кастрюли или тазики, обвязывали их тряпьем вперемешку с соломой и обливали водой. Схваченные морозцем, они превращались в «катанки», на которых дети любили кататься даже больше, чем на санках. Надежда принесла из дома свою детскую «лодейку» — широкую, гладко обструганную толстую доску, к задней части которой был приколочен стульчик. Передняя часть доски была обработана так, что напоминала нос ладьи, — это обеспечивало легкость движения по снегу. Эта «лодейка» всем понравилась, на ней катались по очереди. Однажды во время большой перемены, когда дети вышли покататься с горы, кто-то громко закричал: «Волк! Волк!» В сторону леса медленно бежала, прихрамывая, огромная серая собака, раза в два больше овчарки. Дети гурьбой бросились за ней и могли бы догнать раненого волка, но близко подходить боялись. Хорошо были видны его открытая пасть и странно изогнутая левая задняя нога в капкане. Перемена закончилась. Школьный сторож, выйдя на дорогу, размахивал руками и звонил в колокольчик. Взволнованные зрелищем, дети вернулись в классную комнату. Перебивая друг друга, они рассказывали о волке и о капкане. Выслушав их, Надежда дала задание написать сочинение на тему «Встреча с волком». Все без исключения в этом сочинении жалели волка, а испанец Мигель нарисовал его с большими, почти человеческими глазами, из которых катились слезы. ... Надежда уходила на работу по утрам затемно, когда огни в окнах еще не горели, шла два километра через поле, нащупывая заметенную дорогу посохом, который всю зиму носила с собой. Ориентиром для нее была большая кладь

соломы. Однажды, в январе, бредя в непроглядную пургу, она вышла к заброшенной ферме на окраине города. Надежда вернулась назад и стала отыскивать дорогу заново, боясь опоздать к первому уроку, но вскоре устала, одежда ее заледенела, снег, набившийся в валенки, замерз в камень. Силы окончательно ее оставили. Сквозь снег она опять увидела кладь соломы. Пересилив себя, Надежда побрела по заснеженной пашне. В детский дом она пришла только к середине второго урока. Ее раздели, уложили на теплую печку в сторожке, а во второй половине дня, когда она наконец пришла в себя, отправили на подводе домой. Вскоре у нее поднялась температура и стало ясно, что она тяжело заболела. ...Надежда проснулась, точно от толчка. В серых сумерках комната показалась ей незнакомой и странной. Над кроватью с пышными подушками висел ковер с красными грибами и желтой лисицей, которая была меньше грибов. У кровати на стуле стояли бутылка с желтой микстурой и стакан с чайной ложкой — тоже несоразмерно большие. А комод у противоположной стены наоборот, виднелся точно издали, как в бинокль. Надежда увидел, как стоящая на комодe гипсовая кошка подняла заднюю ногу и почесала у себя за ухом привычным кошачьим жестом, махнула пушистым хвостом, а потом снова застыла в неестественной окаменевшей позе. Это ее удивило. — Ничего себе! — прошептала Надежда. В углах мелкими червячками шевелились сумерки. Надежда прислушивалась к их тихому шороху, не понимая, утро сейчас или вечер. Закрывая глаза, она чувствовала, как кровать медленно качается под ней. Сознание ее помутнело. Неизвестно, сколько прошло времени, когда она вновь открыла глаза. Повернувшись к окну, Надежда вскрикнула. Там за стеклом, кто-то стоял и на нее смотрел. С мельчайшими подробностями она увидела, как темная фигура за окном подняла руки и надавила на раму. Стекла рассыпались, падая на ее одеяло. Темный силуэт просунулся в комнату и оперся на подоконник так, что осколки хрустнули под его локтями. Надежда отчетливо видела широкие плечи, большую голову, похожую на собачью и даже шерсть, торчащую над ушами, но лица разглядеть

никак не могла, вместо него серело какое-то пятно и белели оскаленные клыки. В комнате, хлопая занавеской, гулял ветер, кружились снежинки. Надежда поняла, что она бредит. Когда она вновь открыла глаза, было совсем поздно, луна светила в комнату, а за окном никого уже не было.

Аккуратными складками на прежнем месте висела тюлевая занавеска. Скрипнув дверью, вошла Луиза, испанский замполит. Надежда следила за ней сквозь опущенные ресницы, не показывая, что проснулась. Замполит подвинула стул к кровати, села и начала что-то очень быстро говорить, как будто чему-то радуясь. Надежда устало молчала, в висках стучала кровь. Замполит тронула Надежду рукой. Рука была ледяной и тяжелой. — Не лезьте руками, у вас пальцы холодные, — закричала на нее Надежда сердито. — Вы ужас как много болтаете. Оставьте меня в покое! — Нужно принести полотенце и уксус, — сказала замполит кому-то, стоящему в дверях. Надежда хотела было сказать, что ей не нужны ни полотенце, ни уксус, ни замполит, вообще — никто не нужен, но тут же позабыла обо всем этом. Она заснула. Она начала выздоравливать.

7

Бирский городской комитет партии требовал, чтобы все испанские сотрудники детского дома ежедневно получали информацию о событиях в Советском Союзе и за рубежом. Информацию «политически грамотную, с классовой оценкой, по-партийному принципиальную». Ответственной назначили Надежду, ее беспартийность во внимание не приняли — «мы вам доверяем». Надежде ничего не оставалось, как записаться на курсы политграмоты, чтобы сначала самой политически подковаться, а уж потом с полным основанием выступать перед иностранцами. Занятия проходили в городском клубе, в комнате, наподобие спортивного зала, где стояли старые школьные парты. Кроме молодежи, на курсах учились и пожилые люди: был там инвалид войны, ходивший на костылях, старик с бородой как у Маркса, была

неприветливая болезненная женщина в пенсне из числа эвакуированных киявлянок, местные фабричные девчата.

Слушателям кружка читали лекции о прибавочной стоимости, диктатуре пролетариата, о великих утопистах, предшественниках марксизма, и, конечно, о «современном моменте» — о ситуации на фронте и общей международной обстановке. На занятиях в клубе Надежда впервые услышала о социализме и коммунизме не лозунги, а весьма аргументированные лекции, и она была по-настоящему потрясена тем, сколько революционеров стремились устроить человеческую жизнь честнее и справедливее. Она открыла для себя мир отважного и жадного мышления и почувствовала, что она, Надежда Каблукова, тоже из той людской породы, которой все это близко и важно. Впервые она задумалась о том, чтобы стать членом ВКП(б)? Почему бы и нет?! Хотя, конечно, еще надо долго, очень долго работать над собой! Самый интересный курс, исторический, читал московский преподаватель — высокий, грузный, постоянно покашливающий Денис Григорьевич. На руках у него — черные перчатки, которые он не снимал никогда из-за экземы рук. Перчатки делали Дениса Григорьевича похожим на театрального гробовщика или католического пастора. Он страдал одышкой, разговаривая, чуть театрально прикрывал глаза рукой, будто от яркого света. Все знали, что ему пришлось когда-то сидеть в тюрьмах, жить в гнилых гиблых местах, может быть, даже — работать на руднике. Вспоминалась старинная каторжная песня «Замучен тяжелой неволей...», перед глазами оживали сюжеты передвижников «Владимирка» и «Привал арестантов». О коммунизме, социализме, о диктатуре пролетариата, о других вещах, вроде бы уже сотню раз разжеванных, Денис Григорьевич рассказывал весьма необычно, непременно споря с кем-то невидимым. — Говорят, говорят часто и упорно, будто социализм безличностен, — начинал, разминаясь и как бы прочищая собственные мысли покашливанием, московский профессор диалог с невидимым собеседником. — Нет, не верно! Он произошел не от педантизма, не от стандарта,

вообще — не от банальности. Он весь идет от поиска, а бедные души поиском не занимаются! Мыслью русский социализм никогда не был беден и никакой замены его идеям в России никто даже не пытался предложить!.. Денис Григорьевич вместо положенных полутора часов просиживал на занятиях по политграмоте все три. В этих беседах он властной рукой раздвигал горизонты, и многое, что было до того весьма туманным, приобретало для Надежды Каблуковой вполне ясные очертания. Сначала на курсы политграмоты записалось человек двадцать, на следующее занятие пришло втрое больше — по всему Бирску говорили о том, как интересно ведутся занятия, рассказывали, что в отличие от обычных кружков, здесь будет прочитана вся история революционного движения, начиная со времен Спартака и первохристианских коммунаров. Увлечшись, Денис Григорьевич начинал вести себя, — ну просто как в подпольном рабочем кружке где-нибудь за Нарвской заставой. Он вскакивал с места и, держа в одной руке стакан с холодным чаем, размахивал им так, что чай иногда выплескивался на головы слушателей. — Недалек, недалек великий праздник трудящихся людей всего мира, — митинговал Денис Григорьевич, кашляя тем больше, чем пламеннее была его речь, — вы еще увидите своими глазами день, когда победа человеческого гения приведет народы ко всеобщему равенству и братству. Именно в ваших, пусть пока не твердых молодых руках эта великая победа. Это ведь не пустая фраза — «с Интернационалом воспрянет род людской!» Вслушайтесь в этот призыв. В семье народов не должно быть пасынков, мы все работники всемирной, великой армии труда... Что было потом? Денису Григорьевичу было предложено заглянуть в Дом милиции на Октябрьской улице для уточнения каких-то документов. Куда он оттуда делся? Неизвестно. Кто-то говорил, что Дениса Григорьевича пригласили в Белебей преподавать в Военно-политической академии, кто-то видел его в Уфе на учительских курсах. Вместо Дениса Григорьевича появились новые преподаватели, которые предложили слушателям политграмоты сосредоточиться на самостоятельной работе с

газетами и изучении военных сводок. Так русский Кампанелла исчез из жизни Надежды Каблуковой и, к сожалению, навсегда.

8 Политинформации, с которыми Надежда теперь выступала перед испанскими воспитателями, представляли собой, в основном, пересказ материалов «Правды» и «Красной Башкирии». Надежда словно бы отвечала перед испанцами за все события в жизни страны, за все, происходящее на фронте советской армии. В то же время, все победы на фронте были теперь и ее личными достижениями, которыми можно было гордиться. Яркую победу в сорок первом году под Москвой умаляло наступление немецких войск летом следующего года, когда они заняли Северный Кавказ и рванулись к Волге. Уныние охватило Надежду, ей казалось, что врага уже не остановить, а она, выступая перед испанцами, должна лишь скрывать страшную неизбежность. Всем было известно, что для нападения уже изготовились Турция и Япония, и советское командование вынуждено держать войска вблизи их границ. Союзники же по-прежнему вели подлую игру, откладывая открытие второго фронта. Да, именно так, — «подлую игру», — Надежда этого не скрывала! В те дни на курсах политграмоты рассказывали о приказе Верховного Главнокомандующего № 227. «Ни шагу назад!» требовал этот приказ, он обязывал стоять до конца на каждом квадратном метре советской земли. О, испанцы — прекрасно это понимали! Самым значительным событием в жизни Надежды в то время стало наступление Красной Армии под Сталинградом, закончившееся разгромом гитлеровских войск. После того, как была уничтожена трехсоттысячная группировка противника и в плен было захвачено свыше ста тысяч солдат и офицеров во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, всем стало ясно, что немецкое наступление провалилось. Одновременно с победой под Сталинградом советские войска гнали гитлеровцев с Северного Кавказа. Нужно ли объяснять, как окреп, какой убеждающей силой наполнился голос Надежды Каблуковой?! Однажды, когда Надежда, стоя перед аудиторией со свежим номером

«Правды» в руках, стала говорить о самороспуске Коммунистического Интернационала, воспитатели и служащие-испанцы все разом вдруг вскочили с мест и стали что-то с ненавистью выкрикивать ей в лицо. У Надежды даже мелькнула мысль, что сейчас ее станут бить. Всегда сдержанная в поступках и словах замполит Луиза что-то хлестко по-испански прокричала ей в лицо, а затем выбежала из комнаты. По всему зданию захлопали двери, затем все стихло. Когда Надежда вышла в коридор, она увидела директора, спешащего ей навстречу. Та глядела мимо Надежды и голос ее был официально сух. — На дежурстве вас сегодня заменят, а занятий не будет. Можете быть свободны. Так ничего толком и не поняв, Надежда все же посчитала лишним задавать какие-то вопросы. Вскоре, когда она была уже дома, зазвонил телефон, и ее пригласили по возможности немедленно прийти в Дом милиции. Войдя в знакомый кабинет с портретом Дзержинского, она увидела всех испанских воспитателей, которые незадолго до этого слушали ее политинформацию. Сейчас они сидели рядом у стены с опущенными глазами. Хозяин кабинета встал, вышел из-за стола, поздоровался с Надеждой за руку и усадил ее за стол рядом с собой. Потом он долго держал паузу, а когда молчание стало выглядеть совсем уже странно, сказал, что присутствующие здесь испанские товарищи приносят товарищу Надежде свои извинения за нетактичное поведение на политинформации. — Все выяснено, — продолжал чекист. — Недоразумение разрешилось. Инцидент нужно считать исчерпанным. При этих его словах испанцы стали кланяться, прикладывая руки к груди, а затем гуськом вышли из кабинета. На протяжении всей этой сцены Надежда недоуменно молчала. Когда дверь кабинета закрылась, чекист рассказал ей, что часа полтора назад испанские воспитатели прибежали к нему и заявили, что товарищ Надежда — враг, она охаяла Коминтерн как организацию, способную в угоду фашизму и реакционным правительствам капитулировать, что она говорила, якобы, о самороспуске руководства Коминтерна, а значит, она — ловко маскирующийся провокатор. Испанцы требовали ее арестовать и предать

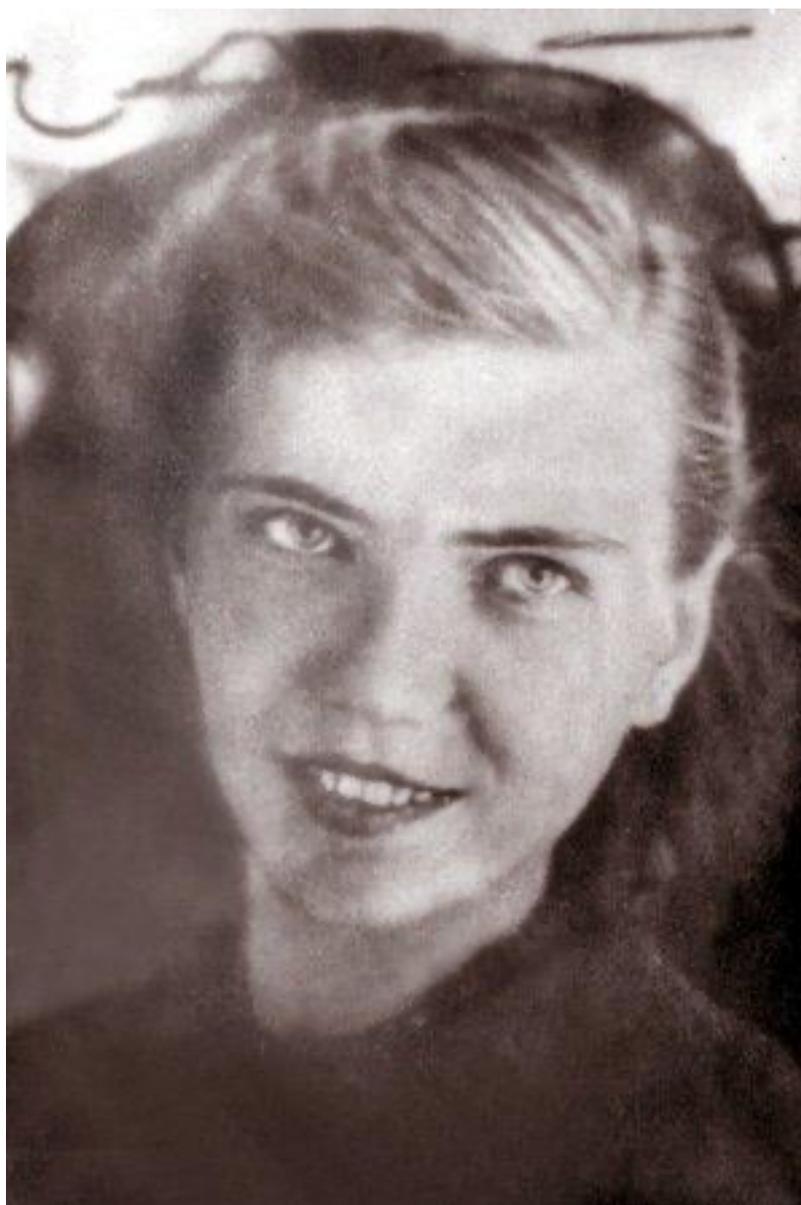
суду. Чекист же, со своей стороны показал испанцам полученные им накануне документы о самороспуске Коминтерна, об уходе в подполье всего его руководства. Он уверил испанцев, что все, о чем говорила товарищ Надежда, соответствует правде. Уже в дверях, провожая Надежду, он заметил: — Все испанские детские дома, созданные у нас в Союзе, находятся теперь только на содержании нашего правительства, а до этого большую помощь им оказывал Коминтерн. Вот они и забеспокоились! Ситуация несколько прояснилась. Надежда Каблукова продолжала работать в испанском детском доме почти до самого конца войны, но проводить политинформации отказывалась, как на этом ни настаивали директор детдома, испанка-замполит и старший инструктор Бирского горкома...

Источник: POSREDI.RU - https://posredi.ru/blog02_2odnozvuchno_zvenit.html

Публикую фотоснимки из архива, непосредственно связанные с испанским детским домом в Бирске, училищем Воздушного наблюдения и связи т.п.

Воспитатель детского дома Е. А. Клубукова, документальные материалы которой стали одним из источников повествования

Заведующая учебной частью детского дома Ольга Дмитриевна Полупанова (во время работы в испанском детском доме она ещё носила свою девичью фамилию Авдеева)

Сальвадор Валья, воспитанник Бирского детского дома для испанских детей

Пуха Пакита, воспитанница Бирского детского дома для испанских детей

Анна Сангос, воспитанница Бирского детского дома для испанских детей

Эльза Лабарто, воспитанница Бирского детского дома для испанских детей

Филомена Мартинес, воспитанница Бирского детского дома для испанских детей

Франго Мурга Мария Лунза, воспитанница Бирского детского дома для испанских детей

Кармина Орексило, воспитанница Бирского детского дома для испанских детей

Ковадонга Гутьерос, воспитанница Бирского детского дома
для испанских детей

Источник: POSREDI.RU - [https://posredi.ru/
blog02_2odnozvuchno_zvenit.html](https://posredi.ru/blog02_2odnozvuchno_zvenit.html)

